УДК 811.161.1-2
doi 10.17072/2073-6681-2026-3-26-36
EDN IDQAHR
https://elibrary.ru/idqahr

Аксиологическое содержание стендап-комедии

Мокан Анастасия Дмитриевна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
mokan.ania@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию аксиологического содержания стендап-комедии как особого вида юмористического дискурса, отражающего ценностные ориентиры современного общества. Теоретико-методологической базой работы являются труды по лингвоаксиологии (Н. А. Купина, В. И. Карасик, Т. В. Матвеева) и системной типологии ценностей (Ю. Г. Вешнинский, Е. Ф. Серебренникова). Впервые на материале сольного концерта российского стендап-комика Сергея Орлова «Самозванец» (2022 г.) проведено исследование репрезентации ценностей в юмористическом дискурсе с применением лингвоаксиологического анализа, включающего выявление вербальной репрезентации содержания, ценностной позиции артиста, аксиологического диссонанса, комического эффекта и прагматического значения текста. Установлено, что ценностная основа творчества артиста неразрывно связана с фундаментальными установками русской лингвокультуры: здоровьем (физическим и психическим), милосердием, материальным благополучием, семейными ценностями, отношениями детей и родителей. Выявлено, что основными способами создания комического эффекта являются демонстрация ценностных противоречий и риторические приемы (ирония, сарказм, эффект обманутого ожидания, гипербола). Доказано, что российская стендап-комедия является важным каналом рефлексии над мировоззренческими установками общества. Изучение этого материала позволяет выявлять актуальные ценностные ориентиры, а также анализировать их трансформацию в условиях современной социокультурной реальности. В статье делается вывод о необходимости дальнейшего изучения аксиологического потенциала юмористических жанров как индикаторов изменений в аксиосфере современного человека.

Ключевые слова: лингвоаксиология; стендап-комедия; ценности; способы выражения ценностных установок; аксиологический диссонанс; речевое поведение стендап-артиста; комический эффект.

Для цитирования
Мокан А. Д. Аксиологическое содержание стендап-комедии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 3. С. 26–36. doi 10.17072/2073-6681-2026-3-26-36. EDN IDQAHR

The Axiological Content of Stand-Up Comedy

Anastasia D. Mokan
Perm State University
mokan.ania@gmail.com

Abstract. The article examines the axiological content of stand-up comedy as a special type of humorous discourse. The theoretical and methodological foundation of the research draws on works in linguoaxiology (N. A. Kupina, V. I. Karasik, T. V. Matveeva) and the systemic typology of values (Yu. G. Veshchinsky, E. F. Serebrennikova). For the first time, based on the material of the solo concert by Russian stand-up comedian Sergei Orlov, "The Pretender" (2022), the representation of values in humorous

© Мокан А. Д., 2026

discourse, is examined through linguoaxiological analysis. It includes identifying the verbal representation of content, the value position of the artist, axiological dissonance, comic effect, and pragmatic function of the text. It has been established that the value basis of the artist's creativity is inextricably linked with the fundamental attitudes of Russian linguistic culture: health (physical and mental), compassion, material well-being, family values, and the relationship between children and parents. It has been revealed that the main ways to create a comic effect involve demonstrating value contradictions and rhetorical techniques. It has been proven that Russian stand-up comedy serves as an important channel for reflecting society's value attitudes. The article concludes that further study of the axiological potential of humorous genres – as indicators of changes in the value picture of the modern person's world – is necessary.

Keywords: linguoaxiology; stand-up comedy; values; methods of expressing value attitudes; axiological dissonance; stand-up comedian's speech behavior; comic effect.

For citation
Mokan A. D. The axiological content of stand-up comedy. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 3, pp. 26–36. doi 10.17072/2073-6681-2026-3-26-36. EDN IDQAHR (In Russ.)

Введение

Стендап-комедия – один из глобальных культурных феноменов. Комическая направленность этого жанра позволяет артистам поднимать и обсуждать важные темы (в том числе табуированные), делиться жизненным опытом, транслировать ценности, влиять на общественное мнение. Стендап становится маркером коллективного сознания [Коч, Шевченко, Яковлева 2025: 369]. Стендап-комедия – «ораторское искусство.., в котором выступающий предлагает аудитории личное знание, излагаемое посредством юмористических форм» [Гончаров 2018: 38]; стендап-выступления «являются богатым материалом для анализа современного состояния языка и составления портрета поколения» [Рогожникова, Бородихина 2024: 117]. Вслед за О. Даблом [Double 2014], рассматривающим стендап-комедию как исповедальный нарратив, мы анализируем речевые фрагменты не только как юмористические конструкции, но и как аксиогенные ситуации.

Обращение к лингвоаксиологическому анализу стендап-комедии представляется актуальным, поскольку такой анализ «способен выявить "ценностное" состояние человека и общества в целом в один из моментов их существования или в их развитии» [Лингвистика и аксиология 2011: 23]. М. В. Мусийчук выделяет следующие аксиологические функции юмора: оценочную (критику социальной действительности), праксиологическую (воздействие на цели и идеалы людей), аккумулятивную (накопление и передачу культурных норм), этнодифференцирующую и этноинтегрирующую (формирование групповой идентичности) [Мусийчук 2006: 91]. В наши задачи входит определение основных ценностей, актуализируемых в стендап-комедии, и выявление специфики их вербализации в юмористическом нарративе.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составили официальный перечень традиционных ценностей [Об утверждении… 2022], типология ценностей [Вешнинский 2005; Лингвистика и аксиология 2011: 31], перечень ценностных предпочтений носителей русской лингвокультуры [Вепрева, Ицкович, Михайлова 2023: 280], а также современные исследования в области лингвоаксиологии [Аксиологические аспекты… 2025; Общая и русская лингвоаксиология 2022].

Терминологический аппарат лингвоаксиологии разработан Н. А. Купиной, обосновавшей ключевые понятия: 1) *аксиологема* – вербальная номинация ценности, являющаяся базовой для индивида, социальной группы и национальной лингвокультуры в целом; 2) *контраксиологема* – номинация антиценности. Совокупность аксиологем образует *аксиологический лексикон* – сложившуюся в лингвокультуре систему ценностей и антиценностей [Купина 2021: 51].

Для изучения аксиологического содержания разговорной речи разработан *коммуникативно-культурологический метод*, предполагающий выявление ценностно-тематических и ценностно-коммуникативных речевых фрагментов, отражающих ценностные

представления говорящего о мире [Ценностное содержание… 2021: 20]. Получая вербальное выражение, ценности обретают форму мнений, нормативных постулатов, морально-этических тезисов, презумпций, сентенций, правил поведения в рамках данной лингвокультуры. Ценностные установки говорящего могут проявляться как прямо (через декларативы, директивы, комиссивы, эмотивную лексику одобрения/порицания), так и косвенно (через контекст и импликатуры).

Указанный метод позволяет исследовать не только общечеловеческие или национальные ценности, но и ценности общения, поскольку предполагает анализ коммуникативных поступков, тактик, стратегий в ценностно-коммуникативных фрагментах. В настоящей статье данный метод применяется при изучении монологов стендап-артиста, создающего личный аксиогенный нарратив. По определению В. И. Карасика, аксиогенные ситуации – «ценностно маркированные положения дел, фиксируемые в коммуникативной практике и языковом сознании в виде особых речевых жанров, которые представляют собой развернутые и краткие нарративы, посвященные комическим событиям» [Карасик 2021: 52]. Аксиогенные нарративы включают как «сюжетную» часть, так и оценку описываемых событий, поскольку цель артиста – не только заставить зрителей смеяться, но и продемонстрировать собственное отношение к событиям. Подобные нарративы сближают стендап-артиста с аудиторией, которая, с одной стороны, воспринимает его как «своего», с другой – считает рассказчика носителем авторитетного мнения, к которому следует прислушиваться [Гальцов, Мигдаль 2024: 27]. Одним из приемов создания комического эффекта в стендап-комедии является аксиологический диссонанс, то есть несовпадение ценностей адресанта и адресата [Алешина 2017: 8]. Используя этот прием, стендап-комики намеренно дискредитируют ценности, добиваясь желаемой реакции аудитории.

На основании вышеизложенного предлагаем следующую последовательность анализа аксиологически значимых речевых фрагментов: 1) анализ содержания фрагмента; 2) интерпретация ценностной позиции артиста; 3) выявление аксиологического диссонанса; 4) исследование комического эффекта, возникающего вследствие конфликта ценностных установок артиста и аудитории; 5) оценка прагматического значения фрагмента в общем контексте выступления. На наш взгляд, такая структура анализа позволяет определить аксиологическое наполнение речевого фрагмента и его коммуникативную эффективность.

Лингвоаксиологический анализ монолога стендап-артиста

Материалом для анализа послужил онлайн-концерт Сергея Орлова «Самозванец», состоявшийся в 2022 г. (Орлов). Монолог длится 73 минуты и содержит 12 аксиологически маркированных фрагментов, которые будут прокомментированы в порядке их следования. Расшифровки выполнены автором, орфография и пунктуация нормализованы по правилам русского языка (просодическая транскрипция с фиксацией пауз не применялась).

1. *Я тут недавно сказал своему однокласснику, что хожу к психотерапевту, он говорит: «*[неценз.]*, может, у тебя и масло оливковое есть, определенного рода?» Надо быть аккуратным, еще не до всех дошло, видимо. Но* ***я счастлив,*** *на самом деле, я полтора года занимаюсь, общаюсь с людьми, которые на психотерапии.*

Аксиологическая проблематика этого фрагмента связана с восприятием психического здоровья в современном обществе: автор делится личным опытом с элементами самоиронии и социальной критики. Разговорно-просторечная окраска текста полностью соответствует стилистике стендап-комедии. О том, что психическое здоровье является, по мнению автора, ценностью, свидетельствуют эмотивное высказывание (*Но я счастлив, на самом деле*), упоминание длительности терапии (*полтора года*), стремление окружить себя единомышленниками, а также развенчание стереотипов о психотерапии. Позиция артиста входит в противоречие с устоявшимися представлениями зрителей, не поддерживающих заботу о ментальном здоровье как норму жизни.

Комизм фрагмента обусловлен контрастом ожиданий (агрессия со стороны одноклассника вместо поддержки) и актуализа-

цией ассоциации о жизни элиты (психотерапия уподобляется оливковому маслу как символу богатой, чуждой жизни). Контраст между прогрессивным и консервативным отношением к ментальному здоровью создает эффект узнавания, который вызывает у аудитории смех. В прагматическом плане стендап-артист не только высмеивает распространенное предубеждение, но и способствует продвижению ценности психического здоровья.

2. *...Мне тут наприлетало, что я из деревни. Меня часто обвиняют в том, что у меня нет локального патриотизма. Мне говорят: «Вот ты уехал и* [неценз.] *свою родину, родину свою, которая тебе дала все: детские травмы, вот это вот все остальное». Меня обвиняют, что у меня нет локального патриотизма, а* ***у меня действительно нет локального патриотизма****. Ну а зачем он мне? Ну, я вот не понимаю этих людей, которые всю жизнь: «Нижние Осенки!» И когда ты им говоришь: «Ехать отсюда надо», они такие: «Пф-ф! А че твоя Москва? А Москва твоя че? Смотри, какие у меня пролежни* [неценз.]*, у тебя таких в Москве не будет!» Самый главный у них аргумент – это который: «Ты почувствуй, как дышится, а? Как дышится, ой, как дышится!» А я, может, еще не дорос до гурмана воздушных потоков. Но мне и в Москве круто дышится, я ни разу не выходил из метро типа: «Скорее бы домой подышать полной грудью». Нет,* ***у меня в деревне пахнет суицидом****, вот как там пахнет. Вот, вот что такое русская деревня на севере России. Если я вам скажу в центральной России, здесь, «деревня», вы такие: куры, овцы и козы. Но на севере нету скота, ничего не растет, поэтому деревня там – это просто 7 пятиэтажек и собаки. Представляете? И по факту* ***я вырос в деревне со всеми минусами деревни и без единого плюса****. Я вырос в деревне без всех признаков деревни, и поэтому я вот деревенский житель, который не умеет доить корову, но зато* [неценз.] *соболезную на похоронах.*

Имитируя диалог артиста, переехавшего в Москву, с земляками как носителями «деревенской ментальности», автор использует просторечия (*наприлетало*), нецензурные выражения, риторические вопросы, повторы и метафоры (*пахнет суицидом*, *гурман воздушных потоков*). Нецензурная и грубо-просторечная лексика, с одной стороны, усиливает эмоциональность речи, способствующую более ясному выражению ценностной позиции автора, с другой стороны – позволяет добиться цели – смеха зрителей.

Авторская позиция строится на противопоставлении урбанистического мировоззрения традиционным представлениям о ценности малой родины. Критическое отношение к родному поселку Депутатский проявляется через ряд негативных ассоциаций: *детские травмы*, *пролежни*, депрессивная атмосфера (*пахнет суицидом*), отсутствие признаков традиционной деревенской жизни (*нету скота*, *ничего не растет*). Отказ от локального патриотизма (*у меня действительно нет локального патриотизма*) усиливается риторическим вопросом (*Ну а зачем он мне?*), демонстрирующим полное отрицание привязанности к месту рождения. Противопоставление выражается через контраст оценочных суждений: если описание малой родины строится на нейтрально-негативной номинации, то московская жизнь характеризуется позитивно окрашенным жаргонизмом (*мне и в Москве* ***круто*** *дышится*). Современный мегаполис как пространство возможностей противопоставлен депрессивной провинции как месту детских травм и упущенных перспектив.

Аксиологический конфликт раскрывается через местоименную оппозицию (***я*** *вот не понимаю этих людей*, *когда* ***ты им*** *говоришь*, *самый главный* ***у них*** *аргумент*). Для усиления эффекта используются иронические средства: создается образ *гурмана воздушных потоков*, пародируется речь земляков, даются гротескные описания. Благодаря преувеличению и высмеиванию особенно комично карикатурное изображение северного поселка. Очевидно, что прагматическая цель автора – снять стигму с так называемого «предательства» малой родины. Он намеренно использует сатирические приемы, чтобы показать абсурдность обвинений и побудить зрителей переосмыслить представления о долге перед родным краем.

3. *Нельзя смотреть, нельзя ни на кого смотреть, поэтому ты едешь, эта тьма сгущается, сгущается, закрываются двери, объявляют станцию, и* ***цыганенок*** *откуда ни*

возьмись посередине вагона становится: «[пародирование детского плача] *Детство, детство, ты куда бежишь? Детство, детство, ты куда бежишь?» Я смотрю на вагон, а* ***всем*** [неценз.] ***вообще абсолютно***. ***Никто даже взгляда на него не бросит***. *Я однажды так заморочился, я подумал, что этого цыганенка только я вижу,* [неценз.] *Я начал людей в бок толкать, подумал: может, и меня нету?* ***Они не реагируют****, может, и меня нет?*

Данный фрагмент посвящен острой проблеме отчуждения в современном мегаполисе. Композиционное построение текста основано на контрасте: мрачная атмосфера вагона метро (*нельзя смотреть*, *тьма сгущается*) противопоставляется трогательному образу *цыганенка*. Уменьшительно-ласкательный суффикс в этом слове усиливает эмоциональный эффект и вызывает сочувствие к ребенку. Использование различных пластов лексики (от нецензурной до книжной) и градация (от нейтральных описаний к эмоционально насыщенным деталям) создают нарастающее напряжение.

Здесь эксплицируется ценностный конфликт между личной эмпатией и общественным безразличием. Автор показывает, как игнорирование чужой беды (*всем абсолютно*, *взгляда не бросит*) приводит к экзистенциальному кризису личности. Ситуация доводится до абсурда через внутренний монолог героя, сомневающегося в собственном существовании (*может, и меня нет?*). Комический эффект обусловлен контрастом трагичности ситуации и ее сатирического изображения. Для усиления драматического эффекта автор гиперболизирует свои переживания, что весьма характерно для жанра стендап-комедии. Прагматической целью данного фрагмента является привлечение внимания аудитории к острой социальной проблеме и критическое осмысление собственного поведения. Как видим, стендап-комедия может быть «местом» обсуждения острых социальных проблем, сохраняя при этом жанровые особенности и юмористический посыл.

4. *Знаете, что еще страшно?* ***Страшно вернуться в бедность****. Страшно вернуться в бедность, потому что бедность – это единственное место, где тебя ждут. Ох, как тебя там ждут! Я клянусь, если ты возвращаешься ни с чем, они такие: «Садись,* [неценз.]*, третьим будешь». Вообще все тебя ждут. А я не то чтобы сбежал из бедности, но ножки уже показал. Я* ***не хочу*** *вот это, обратно возвращаться в жизнь, где люди белье кипятят, я* ***больше не хочу****.* ***Я помню, я помню****. Еще когда домой заходишь, там все конфорки заняты, а пожрать* [неценз.] *вообще. И мать как будто с ума сошла, типа: «Заходите, я вам наволочек наварила».*

Лингвистическое оформление этого фрагмента характеризуется использованием таких экспрессивных средств, как эмоциональные повторы (*Страшно вернуться в бедность*; *Ох, как тебя там ждут!*; *Я не хочу*; *Я помню, помню*), просторечие (*ножки уже показал*, *пожрать*), нецензурная лексика. Ценностная позиция автора заключается в принятии достатка и решительном отказе от бедности, которая превращается в ловушку (*единственное место, где тебя ждут*). Бедность и богатство образуют аксиологический диссонанс. Бедность маскируется под приветливость (*садись, третьим будешь*, *все тебя ждут*), однако в действительности оказывается унизительной реальностью с отсутствием еды, кипячением белья и злорадством окружающих.

Комический эффект создается гротескным изображением бедности: автор гиперболизирует детали коммунального быта, которые вызывают у аудитории узнавание и, как следствие, смех. Прагматическое значение монолога не ограничивается рамками развлечения: рисуя негативную картину бедности, автор вызывает у зрителей стремление к материальному благополучию и переосмыслению социальных реалий недавнего прошлого. Таким образом, комизм превращает критику бедности в мотивирующий фактор для личностного и социального развития.

5. *Я хочу себе просто крепкую семью. Всего лишь. У всего должна быть цель, и моя цель – крепкая, здоровая семья. По-настоящему крепкая здоровая семья,* ***где все могут поговорить, где нет вот недосказанности, где все могут сказать или не сказать,*** *и за это им ниче не будет. Понимаете? Где нормальные взаимоотношения. Это же так просто.*

Перед нами эмоциональный монолог с повтором ключевых слов (*крепкую семью*, *крепкая здоровая семья*), разговорными идиомами (*ниче не будет*), фатическим вопросом (*Понимаете?*) и параллелизмом придаточных предложений (*где все могут поговорить, где нет недосказанности, где все могут сказать или не сказать*), создающим особый ритм речи. Автор идеализирует семью как высшую ценность, пространство открытости и безопасности (*все могут сказать или не сказать, и за это им ниче не будет*). Артист подчеркивает простоту *нормальных взаимоотношений*, имплицитно отвергая дисфункциональные модели семьи.

Аксиологический конфликт здесь связан с противопоставлением идеала *крепкой здоровой семьи*, реальности, в которой гармония труднодостижима (фраза *Это же так просто* воспринимается как горькая ирония). Ценностная позиция артиста выражается в тональности, вызывающей у зрителей не смех, а, скорее, теплую улыбку и создающей атмосферу доверия и понимания. В прагматическом плане стендап-артист апеллирует к безусловной ценности семьи, побуждая аудиторию задуматься о способах улучшения семейных отношений.

Далее прокомментируем аксиологически значимые фрагменты монолога, посвященные теме детства.

6. *Но самую* ***душещипательную*** *картину я видел на детской дискотеке. Знаете, Турция, детская дискотека на территории отеля, аниматоры, дети. И стоит девочка вот так* [пародирование детского плача]*, и над ней мать вот так:* «[с криком] *Иди, танцуй!» «Мама, но я не хочу танцевать!» «Я сказала, иди, танцуй! Мы зачем сюда приехали?» И девочка такая: «Отдыха-а-ть!» «Вот иди и отдыхай!» И* ***бедный*** *ребенок идет на танцпол в слезах. <…> Очень странно. У меня* ***сердце болело*** *за этих детей, потому что я сам отец. Я всех хотел собрать, типа: «Ребята, все собирайтесь, я всех вас отвезу в детдом».* ***Мне так тяжело****, потому что у меня тоже есть ребенок.*

Как видим, через призму личного опыта артист раскрывает проблематику детско-родительских отношений: описывает конкретную ситуацию на дискотеке в Турции, акцентируя внимание на эмоциональном конфликте между ребенком и родителем. Языковая репрезентация содержания характеризуется использованием эмоционально окрашенной лексики (*душещипательная*, *бедный*), метафоры (*сердце болело*), эмотивных конструкций (*мне так тяжело*). Комический эффект усиливается благодаря пародийным элементам текста. Ценностная позиция автора проявляется в солидаризации с ребенком и критике авторитарного стиля воспитания. Аксиологический конфликт выражается в столкновении прав ребенка и родительской воли, традиционных подходов к воспитанию и современными представлениями о родительстве.

Комический эффект достигается за счет использования приема обманутого ожидания: жалея детей, артист предлагает им в качестве альтернативы детдом. Контраст между искренним сочувствием и абсурдным предложением вызывает у аудитории смех. В прагматическом плане монолог нацелен на привлечение внимания аудитории к проблеме эмоционального насилия над детьми и стимулирование рефлексии над методами воспитания. Перед нами многослойный аксиологический дискурс, в котором комизм служит инструментом актуализации важных социальных и педагогических проблем.

7. *Нет, вы поймите, я вас не осуждаю, если вы* [неценз.] *родитель, нет, я вас понимаю. Дети – это… давайте так, дети –* ***прекрасные*** *дети. Как дети.* ***Но как люди****… Ну знаете, у меня есть друзья, у которых нет детей, говорят: «У меня появятся дети, я их буду так воспитывать, что у нас будут такие отношения, как у друзей». Я думаю: «*[неценз.]*, вообще не разбираешься, чувак». Если мои дети,* [неценз.] *Ну, просто… ну, я бы…* [неценз.] ***мне такие друзья*** *просто, понимаете? Я* ***не хочу*** *себе таких друзей. Если мои дети – мои друзья, то это только* ***друзья, за которых стыдно****,* [неценз.] *Знаете, ты проходишь такой: «Я со Славой», и все такие: «*[неценз.]*, Слава». Вообще не понимаю, почему дети стесняются своих родителей,* ***дети же сами*** [неценз.].

Эмоциональность этого фрагмента достигается использованием нецензурной и жаргонной (*чувак*) лексики, повторов, прямой речи (*говорят: «У меня появятся дети...»*),

имитирующей диалог с воображаемым оппонентом, пауз хезитации (*Ну, просто… ну, я бы…*), «рваного» синтаксиса и парцелляции. Фраза *друзья, за которых стыдно* указывает на тональность досады и разочарования; противопоставление *дети – прекрасные дети. Как дети. Но как люди…* вместе с приемом умолчания обесценивает детей.

Очевидно, что стендап-артист поддерживает авторитарную модель родительства, считая дружеские отношения между родителями и детьми невозможными (*вообще не разбираешься, чувак*). Однако эти высказывания противоречат содержанию восьмого фрагмента, в котором артист поощряет эмоциональную открытость своей дочери. Очевидно, эпатирующая оценка детей в рассматриваемом нарративе специально использована для комического эффекта.

«Сторонами» аксиологического конфликта здесь выступают бездетные друзья с наивными либерально-гуманистическими представлениями о воспитании детей и реальные дети, вызывающие стыд и осуждение окружающих (*друзья, за которых стыдно*; *и все такие: «[неценз.], Слава»*). Комический эффект создается контрастом между «высокой мыслью» и «низким стилем», так как артист рассуждает о высоких материях, используя нецензурную лексику. Кроме того, у аудитории вызывает смех заведомо абсурдное утверждение, что дружба с собственными детьми невозможна и даже постыдна. В то же время приведенный фрагмент побуждает зрителей задуматься о ценности такой дружбы.

8. *И у меня есть дочь, и она сейчас растет, представляете? Она растет и становится* ***все интереснее и интереснее****, потому что она сейчас дожила до возраста, когда начала меня стесняться. Но она все равно* ***сильнее****, чем я, она* ***сильнее****. И* ***мне это очень нравится****, что она сейчас уже* ***гораздо сильнее****, чем я, эмоционально. Она как-то пришла и сказала, что она влюбилась в мальчика, прикиньте?*

Для передачи идеи взросления автор использует разнообразные языковые средства. Так, лексика развития (*растет*, *становится интереснее*, *дожила до возраста*) подчеркивает процесс взросления дочери. Особую роль играет трижды повторенное слово *сильнее*, которое является смысловым центром текста, акцентируя внимание на личностном росте девочки. Эффект разговора с аудиторией создают коммуникативные клише (*представляете? прикиньте?*), которые не только делают рассказ более живым, но и вовлекают слушателей в эмоциональное сопереживание. Оно формируется благодаря описанию конкретных проявлений взросления дочери – ее стеснения и первой влюбленности. Авторская оценка выражается через личные реакции – удивление и восхищение, придающие рассказу особую искренность.

Как было сказано выше, в этом фрагменте монолога ценностная позиция говорящего кардинально отличается от предыдущей позиции. Здесь на первый план выходит идея эмоциональной свободы и психологической автономии ребенка. Артист не стремится к доминированию в отношениях с дочерью, напротив – он искренне радуется ее взрослению и эмоциональной зрелости (*она сильнее, чем я*). Особенно значимым для него является момент, когда дочь делится своими чувствами, что свидетельствует о ее доверии отцу. Подлинной ценностью оказывается отнюдь не родительская власть, а способность сохранить это доверие. Хотя в этом фрагменте аксиологический конфликт отсутствует, при сопоставлении с предыдущим фрагментом ощущается диссонанс между разными моделями детско-родительских отношений.

Рассматриваемый нарратив имеет небольшой комический потенциал: он связан с реакцией аудитории на нетипичную для российского «семейного контекста» ситуацию, когда подросток откровенно делится с отцом переживаниями в связи с первой влюбленностью. Прагматическую цель текста можно назвать «терапевтической» – вызвать у зрителей умиление, дать пример здоровых, доверительных отношений между родителями и ребенком.

9. *Я еще выяснил, что у меня синдром самозванца. <…> Но также по структуре своей я еще и нарцисс, и с ума,* [неценз.], *схожу.* ***Я клянусь****, я выхожу на сцену и* ***хочу****, чтобы вы меня хвалили и обожали, но считаю, что я этого не достоин* [изображает страдание].

Стилистическая организация этого фрагмента основана на контрасте различных язы-

ковых пластов – совмещении научных терминов (*синдром самозванца*, *нарцисс*) с разговорной лексикой (*с ума,* [неценз.]*, схожу*, *клянусь*), создающем комический эффект и придающем повествованию ироничную тональность. Взаимодействие с аудиторией реализуется через прямые обращения (*хочу, чтобы вы меня хвалили и обожали*), которые не только активизируют внимание слушателей, но и усиливают комический эффект за счет создания атмосферы доверительного диалога. Интонационная палитра этого фрагмента колеблется между двумя полюсами – пафосным страданием и его сатирическим осмыслением. Особенно ярко это проявляется в ключевой фразе (*хочу, чтобы вы меня хвалили и обожали, но считаю, что я этого не достоин*), которую актер произносит нарочито театрально. Коммуникативный эффект усиливается за счет невербальных средств, дополняющих целостный комический образ.

Аксиологическую позицию стендап-артиста можно понять как продвижение ценности искреннего общения. Он как бы открывает «тайное знание» о себе, приглашая зрителей в свой внутренний мир (*хочу, чтобы вы меня хвалили*), что создает ощущение доверия и взаимопонимания. Ценностный конфликт коренится в психологии артиста: жажда признания и обожания противостоит глубоко укоренившемуся убеждению, что он этого не достоин. Экспликация данного противоречия придает ситуации сатирически окрашенный драматизм.

Комический эффект фрагмента достигается пародированием психотерапевтических диагнозов, посредством которых стендап-артист конструирует весьма абсурдный образ как свою идентичность (*синдром самозванца*, *нарцисс*). Юмор усиливается за счет самоиронии и гиперболизации, когда через подчеркнуто театральное признание собственной уязвимости артист стремится вызвать симпатию у аудитории. Его откровенность вовлекает зрителей в парадоксальную игру – одновременно хвалить стендап-комика и смеяться над его жаждой признания. Выбранная речевая тактика, сокращая дистанцию между артистом и зрителями, усиливает воздействующий эффект выступления.

10. *Ну, давайте так, давайте так. Если быть с вами откровенным, мы купили квартиру. Она у нас есть. 5,5 миллионов, 18 квадратов.* [аплодисменты] *О! Вот вам, понятно?* [нецензурный жест] *Вот вам, понятно? Это вы же из жалости? Знаете, что? Знаете, что? Знаете, что? Знаете, что? Меня жена заставила* [купить].

Языковая структура этого фрагмента объединяет точные числовые показатели (*5,5 млн, 18 кв. м*) и агрессивные невербальные элементы; синтаксический рисунок создается повторами (*Знаете, что? Вот вам, понятно?*), придающими речи эмоциональный накал.

Стороны ценностного конфликта – стендап-комик и аудитория. Для артиста важнейшей ценностью является откровенность, но предполагаемая реакция зала на его признание (аплодисменты как проявление жалости) вызывает защитную агрессию. Комический эффект обеспечивается контрастами между дорогой покупкой и маленькой площадью, агрессивной реакцией и бытовым объяснением (*Меня жена заставила*), ожидаемой и реальной реакциями зала. В прагматическом аспекте намеренное создание конфликтной ситуации, провокативное речевое поведение, яркая интерпретация бытовой истории – жанровые принципы стендап-комедии, способствующие успешному выступлению комического артиста.

11. *Я всего боюсь вообще, вообще.* ***Я клянусь****, сто процентов моего дня – это страх. Вот я* ***боюсь****… вот вас я* ***боюсь****. Сильно боюсь. Я, знаете, как* [неценз.] *сюда выходить? Я пока сюда ехал,* ***боялся****, вчера я* ***боялся*** *весь день.*

В данном фрагменте используется комплекс приемов, обеспечивающих комический эффект и контакт с аудиторией. Стилистическая организация текста характеризуется юмористическим сочетанием контрастных языковых пластов: от психологической терминологии до разговорных идиом. Повествование построено на чередовании откровенных признаний и агрессивных реакций. Комик намеренно демонстрирует свою уязвимость, рассказывая о страхе перед выступлением, но при этом использует агрессивные реплики и жесты, что в целом создает нелицеприятный образ.

Ценностное содержание фрагмента заключается в противоречии между желанием

быть принятым аудиторией и страхом этого принятия. Автор открыто говорит о своих страхах (*сто процентов моего дня – это страх*), используя гиперболизацию и самоиронию для усиления комического эффекта. Последний формируется посредством контраста между профессиональной ролью комика и признанием страха перед публикой; использования сниженной лексики в сочетании с драматизацией повествования; эффекта узнавания, основанного на универсальном опыте страха. Вместе с тем прагматически фрагмент нацелен на создание доверительной атмосферы концерта. Открытое признание своих страхов помогает стендап-артисту снять напряжение, завоевать симпатию аудитории, создать эмоциональную связь со зрителем и обеспечить психологическую защиту на случай неудачи. Как видим, искренность и уязвимость артиста сочетаются с профессиональным умением создавать юмористический эффект, а конфликт между страхом и желанием быть принятым становится источником не только комизма, но и эмоционального взаимодействия с аудиторией.

12. *Дети так не загорают, они просто бегут по улице, на них светит солнце, и они возвращаются обратно с раковыми клетками. И, кстати, вы тоже. Я вообще не понимаю, почему вы загораете до сих пор. Почему? Уже любой врач вам сказал: «Это вызывает рак», но вам* [неценз.], *вы все равно такие: «Зато я коричневый буду». Вы кого хотите сейчас загаром удивить, в двадцать первом году? Кого? Пограничников? Типа чтобы вы вышли из Шереметьево, и они такие: «*[неценз.]*, какая улетала, а какая прилетела!»*

В этом фрагменте монолога поднимается актуальная проблема отношения людей к собственному здоровью через призму отношения к загару. В стилистическом плане текст построен на контрасте: медицинская терминология (*раковые клетки*, *вызывает рак*) соседствует с разговорно-сниженной (*типа*) и обсценной лексикой, что создает особый комический эффект и в то же время подчеркивает серьезность обсуждаемой темы. Композиционная структура текста выстроена вокруг аксиологического конфликта между рациональным подходом к здоровью и бездумным следованием моде. Артист продвигает идею противостояния здравого смысла массовому поведению, демонстрируя абсурдность ситуации, когда люди сознательно рискуют здоровьем ради сомнительного эстетического эффекта.

Важную роль в построении монолога играют риторические приемы: вопросы *Почему? Кого хотите сейчас загаром удивить?* вовлекают аудиторию в процесс размышления, а переход от наивного удивления к откровенному сарказму делает текст более динамичным. Особенно ярко это проявляется в ироничном описании вымышленной ситуации в аэропорту «Шереметьево». Комический эффект достигается благодаря доведению ситуации до абсурда (пограничники комментируют цвет лица пассажира), иронии над стереотипами (*зато я коричневый буду*, *кого хотите сейчас загаром удивить?*), гротескным преувеличением (загар с риском для жизни). При этом за внешней агрессией угадывается прагматическая цель – просвещение публики путем привлечения ее внимания к серьезной проблеме. Таким образом, в стендап-комедии за развлекательной формой контента нередко скрывается социально значимое содержание и комические приемы используются для обсуждения серьезных вопросов.

Заключение

Проведенное исследование аксиологического содержания стендап-монологов Сергея Орлова позволяет сформулировать следующие ключевые выводы.

1. **Ценностная основа** творчества артиста неразрывно связана с фундаментальными установками русской лингвокультуры. В центре аксиосферы стендап-артиста находятся базовые константы: здоровье (физическое и психическое), милосердие и забота о ближних, материальное благополучие, семейные ценности, детско-родительские отношения.

2. **Особенности аксиологического дискурса** в стендап-комедии проявляются через использование ценностных противоречий как основного инструмента создания комического эффекта, установку на искренность и откровенность в общении с аудиторией, осмысление социальных противоречий через призму личного опыта.

3. **Комический потенциал** монологов реализуется посредством демонстрации цен-

ностных расхождений между социальными группами, контраста между традиционными и современными ценностями, раскрытия противоречий в системе общественных установок, применения разнообразных риторических приемов (иронии, сарказма, эффекта обманутого ожидания, гиперболы и др.).

4. **Контраксиологемы** в творчестве С. Орлова представлены через проблематизацию отношения к малой родине, что отражает актуальные социальные процессы.

Исследование аксиологического содержания стендап-комедии демонстрирует не только актуальные ценностные ориентиры современного общества, но и раскрывает лингвистические механизмы их выражения в юмористическом дискурсе. Это имеет существенное значение для понимания процессов трансформации культурной парадигмы, поскольку дает возможность выявить способы формирования новых культурных норм и их языкового воплощения. В целом, анализ аксиологического содержания стендап-комедии является важным инструментом изучения динамики социокультурных процессов в современном мире.

Список источников

Орлов С. Самозванец [видеозапись]. Rutube, Сергей Орлов (перезаливы), 20.10.2025. URL: https://rutube.ru/video/c4f7b5947d1831c2e8daa02cfead1430/ (дата обращения: 18.03.2026).

Список литературы

Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею основателя Уральской научной школы лингвокультурологии и стилистики профессора Н. А. Купиной (УрФУ, 17–18 апреля 2025 г.). Екатеринбург: Ажур, 2025. 112 с.

Алешина Ю. В. Аксиологический диссонанс как основа комического (на материале анализа художественных текстов малого прозаического жанра) // Вестник Московской международной академии. 2017. № 2. С. 6–15.

Вепрева И., Ицкович Т., Михайлова О. Система ценностей современного студенчества: от семейного благополучия до самореализации // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 1. С. 277–288. doi 10.15826/qr.2023.1.789

Вешнинский Ю. Г. Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства) // Мир психологии. 2005. № 4. С. 226–235.

Гальцов П. И., Мигдаль И. Ю. Стендап как нарратив личного опыта // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 25–32. doi 10.18384/2949-5075-2024-1-25-32

Гончаров Д. Е. Stand-up как юмористический разговорный жанр современной культуры: магистерская диссертация по направлению подготовки: 51.04.01. Культурология. Томск: ТГУ, 2018. 80 с.

Карасик В. И. Языковая пластика общения. М.: Гнозис, 2021. 536 с.

Коч К. И., Шевченко О. Ю., Яковлева Е. С. От провокации к рефлексии: культурные границы черного юмора в стендап комедии США и России // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2025. Т. 44, № 2. С. 368–377.

Купина Н. А. Аксиология и аксиологический лексикон: к определению и интерпретации понятий // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27 апреля 2021 г.). Екатеринбург: Ажур, 2021. С. 50–52.

Лингвистика и аксиология. Этносемиометрия ценностных смыслов: кол. монография / отв. ред. Л. Г. Викулова. М.: Тезаурус, 2011. 352 с.

Мусийчук М. В. Аксиологическая функция юмора // Философские науки. 2006. Т. 7, № 2. С. 91–94.

Общая и русская лингвоаксиология: кол. монография / отв. ред. М. С. Милованова; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. М.; Ярославль: Канцлер, 2022. 390 с.

Рогожникова Т. П., Бородихина А. С. Ценностные установки в дискурсе поколения Y (на материале стендап-выступлений) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024 г. № 1(42). С. 113–118.

Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. Ч. I, ст. 5.

Ценностное содержание разговорного диалога: монография / Т. В. Матвеева, И. В. Ша-

лина, И. Т. Вепрева [и др.]; отв. ред. Т. В. Матвеева, И. В. Шалина; Мин-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер.ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 228 с.

Double O. Getting the Joke: The Inner Workings of Stand-Up Comedy. 2nd ed. London: Bloomsbury Methuen Drama, 2014. 518 p.

References

Axiological aspects of modern philological research: Abstracts of the International Scientific Conference on the occasion of the birthday of Professor N. A. Kupina, Founder of the Ural Scientific School of Linguoculturology and Stylistics (UrFU, April 17–18, 2025). Yekaterinburg, Azhur Publ., 2025. 112 p. (In Russ.)

Aleshina Yu. V. Evaluation discord as the essence of the comic effect (based on the analysis of short stories). *Bulletin of the Moscow International Academy*, 2017, issue 2, pp. 6–15. (In Russ.)

Vepreva I., Itskovich T., Mikhailova O. The value system of today's students: from family well-being to self-realisation. *Quaestio Rossica*, 2023, vol. 11, issue 1, pp. 277–288. doi 10.15826/qr.2023.1.789 (In Russ.)

Veshninskiy Yu. G. Axiology of cultural space-time (within the post-Soviet cultural space). *World of Psychology*, 2005, issue 4, pp. 226–235. (In Russ.)

Gal'tsov P. I., Migdal I. Yu. Stand-up as a narrative of personal experience. *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2024, issue 1, pp. 25–32. doi 10.18384/2949-5075-2024-1-25-32 (In Russ.)

Goncharov D. E. *Stand-up as a humorous conversational genre of modern culture*. Master's Dissertation (Cultural Studies). Tomsk, Tomsk State University Press, 2018. 80 p. (In Russ.)

Karasik V. I. *Language plasticity of communication*. Moscow, Gnozis Publ., 2021. 536 p. (In Russ.)

Koch K. I., Shevchenko O. Yu., Iakovleva E. S. From provocation to reflection: Cultural boundaries of black humor in stand-up comedy in the United States and Russia. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 2025, vol. 44, issue 2, pp. 368–377. doi 10.52575/2712-7451-2025-44-2-368-377 (In Russ.)

Kupina N. A. Axiology and axiological lexicon: On defining and interpreting concepts. *Axiological aspects of modern philological research: Abstracts of the International Scientific Conference (Yekaterinburg, April 27, 2021)*. Yekaterinburg, Azhur Publ., 2021, pp. 50–52. (In Russ.)

Linguistics and axiology: Ethnosemiometry of value meanings. Ed. by L. G. Vikulov. Moscow, Tezaurus Publ., 2011. 352 p. (In Russ.)

Musiychuk M. V. The axiological function of humor. *Philological Sciences*, 2006, vol. 7, issue 2, pp. 91–94. (In Russ.)

General and Russian Linguoaxiology. Ed. by M. S. Milanov. Moscow, Yaroslavl, Kantsler Publ., 2022. 390 p. (In Russ.)

Rogozhnikova T. P., Borodikhina A. S. Values in the discourse of generation Y (based on stand-up performances). *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2024, issue 1 (42), pp. 113–118. doi 10.36809/2309-9380-2024-42-113-118 (In Russ.)

On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022. Pt. I. Art. 5. (In Russ.)

Value content of conversational dialogue. Ed. by T. V. Matveeva, I. V. Shalina. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2021. 228 p. (In Russ.)

Double O. *Getting the joke: The inner workings of stand-up comedy*. 2nd ed. London, Bloomsbury Methuen Drama, 2014. 518 p. (In Eng.)

Информация об авторе

Мокан Анастасия Дмитриевна
аспирант кафедры русской филологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

mokan.ania@gmail.com

SPIN-код: 9725-8314
ORCID: https://orcid.org/0009-0004-0574-4241
Researcher ID: POY-7736-2026

Статья поступила в редакцию 02.04.2026
Одобрена после рецензирования 02.05.2026
Принята к публикации 09.06.2026

Information about the author

Anastasia D. Mokan
Postgraduate Student at the Department of Russian Philology
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

mokan.ania@gmail.com

SPIN-код: 9725-8314
ORCID: https://orcid.org/0009-0004-0574-4241
Researcher ID: POY-7736-2026

Submitted 02 Apr 2026
Revised 02 May 2026
Accepted 09 June 2026